

Ангелика МОЛНАР

**«ШАГ ЗА ШАГОМ» В ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЕ:
«ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
И «БЕЗ СУДЬБЫ» ИМРЕ КЕРТЕСА*****“Step by step” in camp prose:
Aleksandr Solzhenitsyn’s *One day in the life of Ivan Denisovich*
and Imre Kertész’s *Fatelessness*****Abstract**

The paper is devoted to the discussion of the concrete and abstract images of "step(ping)" and the reinvention of related other meanings (concepts like 'path', 'fate' and 'happiness') in A.I. Solzhenitsyn's novel *One day in the life of Ivan Denisovich* and Imre Kertész's *Fatelessness*. In order to identify the similarities and differences concerning these fundamental text-forming components in these classic works of camp prose, it is necessary to turn to the study of tropes, i.e. creating new meanings on the basis of the combination of incompatible things and images. This allows to approach the author's image of the world in both cases.

Keywords: *Solzhenitsyn*, *One day in the life of Ivan Denisovich*, *Kertész*, *Fatelessness*, *step*, *path*, *fate*, *happiness*

Принято считать, что лагерная проза А.И. Солженицына пользуется поэтическим «инвентарем» XIX века в описании особенностей каторжной жизни и довольно скупа на метафорические конструкции. Вместе с тем в центре внимания многих исследователей [ВИНОКУР 1965; ВОЗНЕСЕНСКАЯ 1999; ТЕМПЕСТ 1993; УРМАНОВ 2003] стоит раскрытие мотивной структуры и стилистики текста повести «Один день Ивана Денисовича» [СОЛЖЕНИЦЫН 2010]. К примеру, Урманов изучает день заключенного, как модель лагерного быта и бытия в целом. На наш взгляд, как раз характер и правила лагерного движения главного героя и моделируют этот мир («Шаг вправо, шаг влево – считается побег»; «перед надзирателем за пять шагов снимать шапку и два шага спустя надеть»). Поэтому мы и фокусируемся в своем исследовании на выявлении у «шага» конкретного и абстрактного значения, в результате становится понятным переосмысление концептов пути, судьбы и счастья. В этом плане можно обнаружить сходство между повестью Солженицына о советском лагере труда и романом И. Кертеса о Холокосте – «Без судьбы» [КЕРТЕС 2004]. Идейные концепты последнего автора рассматриваются различными венгерскими критиками: [FÖLDÉNYI 2007; HELLER 2002; KISANTAL 2009]. Вопрос «без-судеб-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

ности», взаимосвязи «шагов» и «(анти-)воспитания» героя-подростка обсуждается в основополагающих статьях «кертесоведения»: [ВОЛТАР 2006; MENYHÉRT 2008; MOLNÁR 1996]; природные метафоры движения и пространственная метафора дороги, наиболее близкие к нашей теме, также становятся объектом исследования [ERDŐDY 2008; VÁRI 2003]. Путешествие («шагание», «шаг за шагом») не только позволяет узнать лагерный мир, например, с какой целью поставлены вышки или прожекторы у забора и какое название им присваивается, но также ведет к разработке собственного слова. В статье страницы произведений не приводятся, мы ограничиваемся ссылками на Интернет-ресурсы.

Лагерь Солженицына:

Каждый шаг Ивана Денисовича Шухова в зоне фиксируется как в прямом, так и переносном значении. Герой все время торопится, так как жизнь в лагере требует его всего, у него все время дела: «снуют эски». И само повествование, которое ведется от первого лица, в форме несобственно-прямой речи, или же характеристика другого персонажа прерываются ради успевающего за актом действия героя. Иван Денисович показан активным, действующим персонажем, который обременен множеством задач: утром, после выполнения своих личных дел (пополнить запасы еды, например) он успевает догнать свою бригаду. Таким образом в повести актуализируются мотивы движения ног и обуви, которые организуют и языковой порядок текста. Другие тропы (анималистические), мы подробно не разбираем, но упоминаем в связи с основными.

На работу каторжников выгоняют еще в темноте, в сильный мороз, на целый день, голодными. Шухов определяет время утреннего развода по тому, что уже не «сыпят» цветными ракетами и надо выходить из бараков. Шагать свободно по территории лагеря нельзя, так как одиноким заключенным грозит карцер. Однако говорящий иносказательно представляет выход из положения: приказ быстро «поломался». Прожекторов много: они «засветляют» даже звезды своим «режущим» светом. Как во дворе, так и на вышках очень холодно, поэтому говорящий будто проявляет симпатию к сторожам, находящимся на посту. Только топот (вид шага) придает замерзшим телам немного тепла. Это определяется с помощью выражения с обратным значением: «не масло сливочное в такой мороз на вышках топтаться». У часовых и конвоиров также не хватает теплой одежды, однако они несравнимо лучше одеты, чем заключенные, которые мерзнут в сильный мороз даже в бараке, который сравнивается по своему объему с «проезжим двором». Плохая одежда и обувь (запратанные тряпки и портянки) не согревают Шухова и на пути в ТЭЦ; его руки промерзают в худых рукавицах. Как он вспоминает, в новых ботинках ходил всего лишь одну неделю, согласно сравнению, «как именинник». Другие заключенные «настучали» на него и он вынужден был сдать пару в общую кучу. В этой связи сравнение «точно, как лошадей в колхоз сгоняли» подтверждает отсутствие разницы между маленьким миром лагеря и большой страной: человек равняется лошади, выгоняемой на работу, и его имущество реквизируется

ради общего «блага». Нехватка обуви упоминается и в связи с тем, что Шухов не сшил себе и тапочек ходить по ледяному полу барака, чтобы и те не отобрали.

Климатические условия ускоряют движение. Заключенные быстро бегают, чтобы не замерзнуть. Только снег скрипит под ногами. Описание развода – отправки бригад лагерников на работу – передается в первую очередь указанием на звуковые сигналы шага: «топ-топ, скрип-скрип». Линейка «чернела от бушлатов». Блещущий и скрипучий снег противопоставляется черному «стаду» каторжных. Людям, топающим в снегопаде на каторжную работу, ничего не видно «кроме ног и следов», и даже говорить друг с другом не хочется. Шаги лагерников уподобляются в тексте «строевым», «парадным». Ход колонны сравнивается и с дорогой «на похороны», при которой работа равнозначна смерти, а человек превращается в каменную статую. Замерзают и объезды. ТЭЦ в конце зоны выглядит, как «скелет». Путь туда строго урегулирован, и правила, связанные с ним, определяются, как «молитва». Подчеркивается, что за шаг в сторону, как попытку побега, конвоиры сразу же застреливают. Заключенным, которые определяются, как рабочая сила «дороже золота», надо идти, согласно сравнению, не как «баранов стадо», а по пять человек, чтобы охранникам считать их было удобнее. Сочувствие говорящего к мерзнувшим и ведущим собак конвоирам, которым свое лицо нельзя заматывать, пропадает, когда они смеются над заключенными. Они держат автоматы прямо в лицо – в тексте «в морду» – каторжникам, будто последние отождествляются с животными. Тряпка на лице называется «намордником» (как атрибут собаки), который на морозе становится «ледяным».

Итак, сравнения и метафоры, включающие образ «передвижения с помощью ног» – шаг, шагать, идти, бежать, полубегом – соотносятся с заключенными в связи с их каторгой и рабством. Но не только. Бригадирю следует нести много сала в ППЧ (планово-производственная часть) в дар, чтобы его людей не выгоняли работать на мороз. Это определяется так, что в этот день решается «судьба», т.е. смерть, либо продолжение жизни. Благодаря как находчивости Андрея Прокофьевича, так и трудоспособности Шухова, бригада успеет немного согреться, а не проволоку тянет и себе зону строит под открытым небом. Детализируется каждый шаг и каждая мысль работающего героя, таким образом и ощущается его постоянное движение в ТЭЦ-е. В то же время, каторжники, торопящиеся на выход, называются «бегунами» и «бездельниками», так как они не закончили свою работу. Здесь снова реализуется точка зрения Шухова, который опаздывает, доделав свое дело. Однако и он обзывает молдавана, который спрятался от конвоира и сразу заснул от усталости, как объясняет конвоир: «Он, падло, на леса штукатурные залез, от меня прятался, а там угрелся и заснул». Создается новое сравнение, звучащее как народная поговорка: «Где зэк угреется, там и спит сразу». Молдован считается «беглецом», которых обычно расстреливают, однако в данном случае ему грозит менее жестокое наказание. По признаку его быстрого шага он уподобляется «мышонку» («Вобрал голову, бежит, как мышонок»).

На обратном пути в лагерь из-за долгих и повторных проверок кажется, что пропадает вечер, поэтому заключенные уже не торопятся, не делают «шире шаг». Такая медлительность на морозе будто спасает их жизнь (от «чистой» смерти), и возвращающиеся уподобляются воинам «с похода». Абсурдность ситуации состоит в том, что все говорят, мол, «домой идут». Однако к ужину бригада Шухова подбегает «рысцой», чтобы обогнать других. Это выражается посредством отсылки к «баснословному», сравнению: они радуются, как зайцы, что лягушек обогнали. На входе в лагерь всех шмонают, но в этот день не слишком тщательно: Шухову удастся пронести с собой ножовку. Маленькое счастье снова сближается с шагом: «бежал он легкий». Быстрый шаг позволяет герою также успеть к печке валенки сушить: «бегом к себе». Шухов обзывает старшего «сволочью», который всех выгоняет «как есть» на последнюю проверку. Обычно при этом все жмутся позади, в тепле, словно «зверехитрое племя», но в этот день Шухов первый выбегает на мороз, чтобы прикурить.

Мотив шага соотносится и стабаком, делающим лагерника почти счастливым (см. тепло и сытость: «Дым разошелся по голодному телу» Шухова). Герою надо еще сходить к латышу за самосадом к латышу, который продает его дорого и не набивает стакан. Но со своего счета герой может только купить мыло в ларьке. Шухов поэтому подрабатывает: стряпает что просят, а деньги прячет в вате. Кроме того, он оказывает услуги тем, кто может снабдить его если и не целой сигаретой, то окурками. Таков Цезарь. «Шакал» Фетюков надоедливо смотрит на него и просит дать докурить, однако бывший режиссер не терпит, чтобы его мысль перебивали, поэтому и отдает остаток сигареты Шухову.

Цезарь, регулярно получающий посылки, подсовывает подарки всем властям имеющим в лагере, поэтому лучше всех устраивается. Его шаги и жесты охарактеризованы также в соответствии его имени: в отличие от «снующих зек-ков», он ходит, «себя не роняя, размеренно». Таким образом, мотив шага нельзя рассматривать и вне его связи с посылкой и едой. Шухов в надежде на вознаграждение (получить добавку к своей скудной порции) предлагает Цезарю занять очередь в посылочной. В тамбуре холодно, но под крышей, поэтому очередь стоит до отбоя. Говорящий с презрением относится к тем, кто ее обгоняет: это – твердые лагерные «придурки» «ниже дерьма». Шухов не просит ничего посылать ему, потому что щадит свою семью, понимая, что из посылки все самое ценное забирают. В этот раз, однако, счастливо выходит с посылкой Цезаря, потому что Шухов знает, что он и посылочному дает на руки. Герой и уподобляется «птице вольной», когда «выпорхивает» из тамбура.

Он и жалеет Цезаря с его незапрятанным добром, поэтому быстро («как белка») бежит к его койке сторожить посылку. При этом он ведет себя перед Цезарем достойно, в отличие от «звереподобных» заключенных: он «не был шакал», не намекал, что хлеб принес и очередь занимал. Однако, его фигура наделяется признаками ловкого зверя, когда он «ястребиными глазами лагерника» обегает содержимое посылки Цезаря, который в знак благодарности отдает ему свою порцию хлеба. Несмотря на то, что Шухов тайно желает большего, рад даже такой доли и ложно успокаивает себя, что вредно переполнять

желудок. То, что набралось столько хлеба, определяется как «жизнь» и герой распределяет его бережливо.

Тематическое поле «передвижения с помощью ног» включает в себя и движение с помехами. Дневальный в лагере именуется «Хромым», который посохом, как «шлагбаумом закрытым» не пускает каторжников в столовую, а непослушных «гвоздит». Он с его компанией («полкан»–собаки) и переименуется в «князя», так как с поварами дружит. Завстоловой говорящий также считает «гадом», а его голову уподобляет «тыкве». Причина неприязни в том, что у него руки-ноги «пружинные» и много сил для ударов, потому что они вместе с Хромым мясо едят, а у заключенных сил нет пробраться внутрь и они только толпятся, чтобы получить свою порцию баланды: в столовую «повалили, как снопы». Снующий Шухов также боится не успеть съесть горячую баланду.

Быстрый шаг сближается и с судьбой. В толкотне перед столовой «легкий» Гопчик в бегах (см. «гоп») уведомляет бригаду. Он уволакивает один поднос, поэтому называется «правильным» лагерником: «меньше как хлеборезом ему судьбы не прочат». Шухов, созвучно своей фамилии, также очень шустрый, выхватывает еще один поднос от того, кто «щуплей», а ждущему – «лапоть» в рот, чтобы не «зевал». Вместо фокусирования полного внимания на еде, герой и в этот раз торопится, чтобы добыть вторую, «закошенную» порцию. Он и получает одну лишнюю, которую называет «законной добычей», скрывая ее от Фетюкова. Подобно последнему, «шакалить» ходят и другие каторжники, которые сравниваются с «коршунами», налетающими на нечистые миски. Однако только у уважающего себя Шухова получается сегодня «праздник»: он и в обед и в ужин может съесть по две порции. Этот день исключительный еще и потому, что нет толпы перед столовой.

Итак, описанный день героя определен как «хороший». Он «счастливый» и потому, что не завершается в карцере. Шокирует же назначенное герою число дней заключения: 3653 плюс еще 3 из-за високосных лет. Кратко приводится причина попадания членов бригады в лагерь: каждый олицетворяет характерно событие в истории народов СССР, за причастность к которому сажали. Рассказ бригадира о причинах его заключения (он сын кулака), и о взаимной помощи людям подтверждает двойственность лагерной жизни Союза: как доказательство тому, что можно остаться человеком. Заключение Шухова в трудовой лагерь по статье 58 метафорически соотносится с шагами. В бригаде шутят, что Шухов одной «ногой» дома, так как близится его освобождение (срок кончат), но по закону может еще 10 лет отсидеть. Он в самом деле «босой» (без валенок сидит) – так реализуется метафора в акте действия.

Стоит обратить внимание и на созвучие отчества героя (Денисович) и слова, обозначающего время (день). Это соотношение наиболее наглядно раскрывается в заглавии повести и развертывается в ее тексте. В одном дне «шагающего» Ивана Денисовича заключается «судьба» героя, «счастливо» выжившего в лагере, и это дискурсивно оформляется в повести Солженицына.

Лагерь Кертеса:

Возможно, именно с этими концептами вступает в диалог и переосмысливает их Кертес, который пишет в «Без судьбы» о таких же эксцессах в трудовом лагере, как Солженицын (каторга, побои, голод, холод). Однако новая повествовательная перспектива от первого лица поражает еще сильнее (герой-подросток, черпающий свои знания из книг и детского мира, а говорящий словно он же, но не взрослый, не осмысляющий свой опыт). В результате такой инновации и получается, что единственно возможный собственный «шаг» после Освенцима – это написать роман о «счастье» лагерей. Именно в таком ключе и должны рассматриваться метафорические конструкции текста.

В самом начале сюжета приводится монолог дяди Лайоша, навязывающего герою (Дюри Кёвеша) необходимость достойного представления «еврейского сообщества». Значение «судьбы» становится предметом обсуждения между подростком и сестрами-близнецами. Стороны спорят о том, носит ли человек на себе печать отличия, или имеет ее в себе. Книжным примером служит Кёвешу юношеский роман Марка Твена «Принц и нищий», в котором также поднимается вопрос о наличии собственной судьбы, возможности поменяться судьбами или о предопределенности. Под таким углом зрения и освещается проблема жизненного пути, который необходимо пройти. В ходе описания длинного пути героя в Освенцим и обратно домой коренной метафорой осмысления того, что означает судьба, т.е. самого написания романа, становятся путь, дорога, шаг (в пространстве) и время. Таким образом, традиционное соотношение «путь – судьба» подвергается трансформации в процесс становления иной авторской субъектности.

Герой сначала воспринимает свою трудовую повинность как «привилегию». В этой связи и старые евреи спорят о том, на автобусе или трамвае лучше Кёвешу ездить на работу, совсем не задумываясь над тем, что это – первая станция на его пути в лагерь смерти. Транспортные средства служат вещной метафорой Холокоста, как способа доставки евреев и других жертв режима до конечного пункта назначения, так сказать, в иной мир. В самом начале этого пути ожидание в месте захвата и пересадки вызывает в подростке лишь скуку.

Добровольное отправление Кёвеша в лагерь объясняется помимо этого и его боязнью переполненности вагона следующего поезда (т.е. нехваткой «места для размышлений»). Герой, как и многие другие евреи, думает, что в трудовом лагере работа рассматривается как развлечение, возможность «увидеть мир», так «упорядоченность» в жизни. Все это представляется говорящим, как будто у героя имеется свободный выбор, и он может рационально принимать решения. Этим отодвигается на второй план настоящая ситуация, т.е. то, что у депортируемых вообще не имелось никакого другого выхода из положения.

Раввин также не в состоянии помочь своему народу. Он приводит мудрые слова об отказе от отрицания, о необходимости прохождении пути в согласии с Богом, однако произнесение его мысли «чистым и звонким голосом» противоположно способу и результату предмета такой речи: «он словно бы ненадолго

запнулся». Раввин сравнивает несогласие («отрицание») с «пустым» сердцем, «бесплодным» как «пустыня». В то же время согласие и смирение ведут к жертвенности. В этом наблюдается иное толкование судьбы евреев, как у дяди Лайоша. Предполагаемый раввином смысл путешествия реализуется в поездке, однако с обратным знаком, так как его встречает бессмысленная смерть. В этой связи впервые упоминаются шаги, сделанные евреями, в том числе и Кёвешем.

В описании прибытия и построения евреев в лагере смерти признаки шага, толпы сближаются с едой и животным миром. Такие сравнения в виду газовых камер становятся циничными. О размерах истребляемой массы людей, толпы, которая представлена словно непрекращающаяся атака, свидетельствует дальнейшее ее олицетворение в качестве поглощающего людей потока, который и «унес и поглотил» девушку, разлучив ее со спутником. Более того, говорящий определяет пеструю колонию как «шутовскую процессию», в отличие от аккуратной и безупречной немецкой местности. Такой контраст тем более поразителен, что читателю уже ясна участь (конец пути) этих людей, а Кёвеш как будто безразличен к ним. В таком же свете предстает и медосмотр, при котором толпа четко управляется: «Людской поток тек нескончаемой лентой, вливался в узкое русло, ускорился, потом, дойдя до врача, раздваивался».

В результате сильных, с предельной «точностью», ударов палок немцев, выстраивается порядок новых заключенных, «связанных одним ритмом». Колонна уподобляется «ниточной гусенице», т.е. детской игрушке, направляемой «в спичечный коробок». Это сравнение свидетельствует о том, как пытается подросток с помощью своего домашнего опыта осмыслить немислимое – в данном случае: насильственную придачу единого ритма толпе, шагающей к своей гибели. Говорящий уже размышляет о том, можно ли считать человеческим этот «механический», «профессиональный» порядок, олицетворяемый немцами? По сравнению с ними даже венгерские жандармы кажутся «шумными дилетантами». Поправки ребенком движения гусеницы несопоставимы с актами действия немцев: игра не причиняет боли и не ведет к смерти. По этой причине и следует осознание Кёвеша: «я – не то, что они».

Итак, судьба представляется в виде пути, преодолеваемого на поезде, который «движется к цели». После прибытия в трудовой лагерь, Кёвеш разочаровывается в смысле такого пути. С одной стороны, работа – медлительная и каторжная, а с другой, – быстрые изменения не позволяют человеку освоиться, т.е. осмыслить происходящее. Неизвестно, может быть именно такое отношение и помогает ему выжить в этих условиях. По мере потери надежды и сил на выживание, опускается и сам герой. Это метафоризируется так, будто он – «поезд», который «стал замедлять ход», а конечная остановка будет означать приближение его к смерти.

Метафора «шага – судьбы» реализуется как вещественно, так и в виде медленных и нетвердых шагов, поскольку Кёвеш спотыкается в выданных ему слишком больших ботинках. В трудовом лагере в Цейце из-за плохой погоды на деревянных башмаках Кёвеша (фамилия героя означает: «каменистый») затвердевает грязь, и они превращаются словно в цемент, в камень. Говорящий

уподобляет такое раскачивающееся движение игрушке «ванька-встанька», а нос ботинок – гондоле. Неприятности героя увеличиваются, когда у него начинается понос. Это в прямом смысле представляет собой главную проблему, связанную с шаганием.

Близиких к смерти людей и трупы из Цейца возвращают в Бухенвальд. Это сопоставляется с тем, как «отсылают отправителю письма, не нашедшие адресата», т.е. человек приравнивается к письму, а поезд становится этаким лодкой между мирами. После «временной смерти» героя возможность еще пожить придает положительный смысл всему, что относится к мечте в «прекрасном концлагере»: запаху дыма, испарениям («дружелюбные»), металлическому громоханию (сравниваемому с колокольным звоном детства), и даже баланде, которая вызывает из глаз «теплые капли». Неожиданность тропов в романе Кертеса контрастирует с традиционными коннотациями, присущими концентрационному лагерю.

Промежуток времени от начала пути героя в лагерь до его возвращения составляет ровно год. Антитеза между человеческой войной и оживляющейся природой наблюдается в том, как лес зеленеет и растет свежая трава, однако она покрывает ямы с трупами. Освобожденных пленных провожает домой коммунист дядя Миклош. Его слова и «новые» песни содержат клише: жизнь «должна идти своим чередом», они построят «новую родину». После лагеря бывшие заключенные шагают по дороге в шеренгах. Тело и шаги Кёвеша носят следы физических испытаний: он прихрамывает. Однако поезд теперь кажется ему «веселым» и место на ступени лестницы уже – терпимое.

Бессмысленный «порядок», бесчеловечные «правила» лагеря отражаются и на мирской жизни. Встречаемые граждане словно воплощают немецкий педантизм (их «церемонный тон», неподвижное лицо), когда стараются доказать, что Кёвеш не видел газовых камер. Абсурдность вопроса, однако, сталкивается с логичным ответом героя, что если бы он видел, то не мог бы оказаться здесь, живым. О таком же фальшивом отношении свидетельствует и эпизод в трамвае, в котором с героя требуют билет, а старуха-пассажирка отворачивается, услышав о том, что подросток был лагерником. К этому можно отнести и оформление документов для него.

Вместо долгого ожидания в администрации герой решает навестить семью Банди Цитрома. Метафоризация «не-забвения», потребности сохранения памяти, здесь получает развитие в ее предметной реализации: утверждается, что если память «не изменяет» ему, то герой быстро окажется на улице Незабудки (Nefelejcs). Напомним, что грустная песня Банди о родине воспринимается как красивая, сохраняющая память о ней, однако при этом не учитывается, какой грех совершила эта родина против ее сыновей. Это вызывает особую языковую игру в тексте романа. Говорящий утверждает, что Банди насвистывал песню, «словно забыл обо всем», однако он все время вспоминал свою родную улицу под названием Незабудка. В фигуре встречаемого на квартире ребенка Кёвеш узнает «раскосые глаза» своего бывшего товарища, жене которого он не может ничего сказать о судьбе мужа.

Воспоминания все-таки формулируются и в таком, кажущемся ненадежным повествовании «подростка», которое в итоге закрепляет след неизвестной судьбы человека. Кёвеш сначала отказывается рассказать свою историю журналисту, купившему ему билет в трамвае, так как тот старается рассказать о лагере своими словами. Однако эти слова слишком традиционны, шаблонны в лагерной прозе и не покрывают настоящий жизненный опыт. Кёвеш поэтому и отвечает только своими привычными оборотами речи: «само собой», «разумеется», которые именно своей абсурдностью и необычностью поражают слушателя. Теперь уже герой, повзрослевший в лагере, смотрит на «гражданских», включая журналиста, как на «детей», и боится еще своих новых слов: «если можно так выразиться». Говорящий ищет более соответствующую форму для выражения опыта – «взрослое» слово, «живую» метафору.

Такая избыточная, «окаменелая» фраза «лагерь – ад» подвергается Кёвешем (см. значение его фамилии) разоблачению. Журналист спрашивает героя о его опыте, но переживший его не может говорить об «аде», так как он знает лишь «лагерь». Говоря это, Кёвеш чертит «в пыли круги каблук ботинка», т.е. своим жестом он словно создает круги ада (ср. также «В круге первом» А.И. Солженицына). Согласно его утверждению, лагерь – это место, «где не соскучишься», и все определяется временем. Развивая эту мысль далее, герой (как трансфигурация субъекта текста) обнажает коренную метафору самого романа: т.е. шаги и ступени, которые на своем пути человек должен пройти, и лагерь (Освенцим) при этом представляется «чистой, аккуратной станцией»: ты «выполняешь каждое новое требование каждой новой ступени». Ужасы нельзя представить – это выражается не только в вербальной согласии журналиста, но и в жесте: он говорит это уже без сигареты. Пожалев его, Кёвеш демонстративно принимает слово «ад» вместо «концлагерь». Журналист отмечает «свежесть» речи подростка, однако он придает ей такой банальный смысл, что Кёвеш выбрасывает его визитку.

Нечто подобное происходит и в кругу старых евреев-знакомых. С их слов он узнает об «ужасе» того, что случилось дома, в Будапеште. Безумие исторических событий обозначается словом «пришло», что также вписывается в речь героя о шагах, так как все рухнуло сразу, без ступеней и необходимого времени для осмысления: «Лишь одно слово звучало очень часто, [...]: с его помощью они вводили каждый новый поворот, каждое новое изменение: "пришел" дом с желтой звездой, [...] „пришло" гетто». Этот «клубок путаных событий» определяется иносказательно как «неистовая оргия», лишаящая всех разума. Старики евреи, счастливо пережившие этот «безумный смерч», не понимают Кёвеша и характеризуются желанием прервать речь подростка – движением руки дяди Штейнера, которая обычно выходит из неподвижности, как «старая, осторожная летучая мышь».

В ответ на возмущение стариков Кёвеш хочет понимания того, что он больше, чем просто «невиновен». Если утверждать, что он только жертва, и есть свобода выбора, тогда выпавшая ему судьба обесмысливается и он действительно лишится ее. При этом он в новой метафоре ставит акцент на том,

что другие своим чужим, навязанным словом стараются отнять у него ее, точно так же, как внешние силы отбирали у людей жизнь: «Один железнодорожный состав» – «ожидание», «за это время ты подходишь к точке, где решается: сразу ли газ, или пока что есть еще шансы». Кёвеш утверждает, что шаги делаются самим человеком, как в Освенциме все «делали шаг за шагом», и называет себя «честным», потому что он по-своему достойно шагал, т.е. использовал каждый шанс на своем пути, чтобы выжить. Шаги теперь кажутся такими же бессмысленными, как и отсутствие шагов, то есть еврейская судьба. В результате высказывания Кёвеш доходит до утверждения, что человек и есть свои шаги, своя судьба.

Здесь раскрывается особый смысл заглавия романа «Без судьбы» на уровне героя: «теперь мне надо что-то делать с этой судьбой». А продолжением этой судьбы и становится новый смысл, реализуемый уже на другом уровне: акт письма, чтобы рассказать, написать, осмыслить эту судьбу, а не остаться без нее. Реализовать не-«окаменелость», включенную в фигуру и фамилию героя, означает сделать новый, главный шаг. То есть оформить историю – сохранить память обо всем, преодолев «подростковый» нарратив, дискурсивно, субъектом текста создать роман. Это представляется в тексте и в метафорическом образе. Кёвеш выходит из дома, и вечерняя улица напоминает ему «бесконечную» дорогу в Освенциме, куда отвез его поезд. Мирная улица, носящая как следы войны, так и надежду на продолжение жизни, заставляет героя осознать, что он должен делать дальше свои шаги и на своем пути встретить счастье. Это раскрывается в том, что вместо общепринятого слова «ужас» он должен говорить о «счастье» «у подножия труб крематориев» для характеристики лагеря, слово, которое может потрясти любого, однако именно оно – новое и собственное, личное.

Подводя итоги, можно утверждать, что мотивы и метафоры шага в повести Солженицына и романе Кертеса развертывают проблематику судьбы и счастья, порождая у обоих писателей лагерной прозы новые смыслы для универсальных тропов. В сопоставляемых произведениях мы рассматривали каждый шаг главных героев как в прямом, так и переносном значении. В результате анализа последующих друг за другом текстов мы можем прийти к выводу, что определенное сходство наблюдается в описании движения ног: топотав плохой обуви. Тропы и мотивы с шагами связаны и с каторжным трудом. Однако акцент делается у писателей на разных компонентах контекста, и, соответственно, метафоризация отличается. Шаги лагерников у Солженицына представляются в соотнесенности седой и другими формами выживания, означающими «судьбу» лагерников, например, табаком. Это позволяет и на тематическом уровне текста сблизить описания одного дня героя и его шагов к по возможности «счастливой» жизни в лагере, если о самом счастье ничего не сказано. Новаторство русского писателя наблюдается и в том, как он ставит в один ряд конкретные и иносказательные значения шагов. Основой смыслообразования в романе Кертеса также являются шаги, которые метафоризируют прохождение судьбы. И здесь упоминаются ботинки и погодные условия. В отличие от романа Солженицына однако к ним примыкают образы транспортных

средств. Различием является также образ колонны пленников в связи с едой, игрой и животным миром. Сам герой предстает неким поездом и его имя разворачивается в тексте романа. Метафоры дороги у Кертеса уникально связывают очень отдаленные смыслы. Таким образом, главным шагом становится оформление истории и приобретение судьбы посредством необычной постановки концепта счастья.

Библиография

- ВИНОКУР, Т.Г. [VINOKUR, T.G.] 1965: О языке и стиле повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Вопросы культуры речи. Вып. 6 [About the language and style of the story "One day of Ivan Denisovich" by A.I. Solženicyn // Voprosy kul'tury reči. Issue 6.], 16–32.
- ВОЗНЕСЕНСКАЯ, Т. Д. [VOZNESENKAĀ, T.D.] 1999: Лагерный мир Александра Солженицына: тема, жанр, смысл // Литературное обозрение [The camp world of Alexander Solženicyn: topic, genre, meaning // Literaturnoe obozrenie], 1999/1. 20 – 24.
- КЕРТЕС, И. [KERTÉSZ, I.] 2004: Без судьбы. (пер. Ю. Гусева.) Москва, Текст [Fatelessness (translated by Ū. Gusev) Moscow, Tekst] // http://loveread.ec/read_book.php?id=39018&p=1 Дата обращения: 10.03.2021.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А.И. [SOLŽENICYN, A.I.] 2010: Один день Ивана Денисовича. Москва, ЭКСМО [One day of Ivan Denisovich. Moscow, EKSMO] // <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt> Дата обращения: 10.03.2021.
- ТЕМПЕСТ, Р. [TEMPEST, R.] 1993: Герой как свидетель. Мифопоэтика А. Солженицына // Звезда [A hero as a witness. Mythopoetics of A. Solženicyn // Zvezda], 1993/10. 181–191.
- УРМАНОВ, А.В. [URMANOV, A.V.] 2003: «Один день Ивана Денисовича» как зеркало эпохи ГУЛАГа // «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Сб. науч. ст. / Под ред. А.В. Урманова. Благовещенск, Издательство БГПУ ["One Day of Ivan Denisovich" as a Mirror of the Gulag Era // "One Day of Ivan Denisovich" by A.I. Solženicyn: The Artistic World. Poetics. Cultural context: Collection of scientific articles / Ed. A.V. Urmanov. Blagovešensk, BGPU Publishing House], 37–77.
- БОЛТАР, Е. 2003: Sziszüphosz téli utazása // «2000». 2003. január. 40–46 [The winter trip of Sisyphus // «2000». January 2003. 40–46].
- ERDŐDY, E. 2008: Kertész Imre. Budapest, Balassi.
- FÖLDÉNYI, F.L. 2007: “Az irodalom gyanúba keveredett”: Kertész Imre szótár. Budapest, Magvető Kiadó [“Literature fell under suspicion”: Imre Kertész dictionary. Budapest, Magvető Publishing House].
- HELLER, Á. 2002: A Sorstalanságról – húsz év után. // Múlt és Jövő [About Fatelessness – after twenty years. // Past and future], 2002/4, 4–13.
- KISANTAL, T. 2009: Túlélő történetek. Budapest, Kijarat [Surviving stories. Budapest, Kijarat].
- MENYHÉRT, A. 2008: A kilátástalanság belátása – a belátás kilátástalansága. // Menyhért A. Elmondani az elmondhatatlant. Trauma és irodalom. Budapest, Ráció [Realisation of the lack of prospects – lack of prospect of the understanding. // Menyhért A. To say the unspeakable. Trauma and literature. Budapest, Ráció], 61–101.

- MOLNÁR, G.T. 1996: Fikcióalkotás és történelemszemlélet [Fiction creation and history] // Alföld, 1996/8. 57–71.
- VÁRI, GY. 2003: Kertész Imre. Buchenwald fölött az ég. Budapest, Kijárat [Imre Kertész. The sky over Buchenwald. Budapest, Kijárat].

Ангелика МОЛНАР
Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия
molnar.angelika@arts.unideb.hu